

13 авторов
13 историй
13 монстров

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Т67

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги и на обложке
использованы иллюстрации *Александра Соломина*

Т67 **13 монстров:** сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 473, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-106734-2

Монстров не существует!

Это известно каждому, но это — ложь. Они есть. Чтобы это понять, кому-то достаточно просто заглянуть под кровать. Кому-то — посмотреть в зеркало. Монстров не существует?

Но ведь монстра можно встретить когда угодно и где угодно. Монстр — это серая фигура в потоках ливня. Это твари, завывающие в тусклых пещерах. Это нечто, обитающее в тоннелях метро, сибирской тайге и в соседней подворотне.

Монстры — чудовища из иного, потустороннего мира. Те, что прячутся под обложкой этой книги. Те, после знакомства с которыми вам останется лишь шептать, сбиваясь на плачь и стоны, в попытке убедить себя в том, что:

Монстров не существует... Монстров не существует... Монстров не существует...

© Авторы, текст, 2018

© М. С. Парфенов, составление, 2018

© Александр Соломин, обложка, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Вместо предисловия

Прежде чем перейти к чтению историй о существах, в которых вы не верите, позвольте напомнить вам
про 13 реальных монстров,
обитающих на планете Земля:

1. *Cretonotos gangis* — моль, обитающая в Юго-Восточной Азии и в Австралии. Помимо обычных крыльшек и ножек, у этого вида моли есть еще и «щупальца», от одного вида которых становится не по себе.

2. *Chlamydoselachus anguineus* — плащеносная акула. Глубоководная акула с острыми мелкими зубами-иголками и телом змеи. Акула-змея — что может быть ужасней?..

3. *Melanocetus johnsonii* — «черный удильщик». Жуткая хищная глубоководная рыба, в симбиозе с которой живут особые, фосфоресцирующие в темноте бактерии. Свечение заманивает жертв удильщику прямо в пасть. Эта тварь способна поглотить добычу, которая даже превосходит ее в размерах, — благодаря особому устройству желудка.

4. *Orphiocordyceps unilateralis* — кордицепс однобокий. Гриб, паразитирующий на теле насекомых. Носитель паразита — муравей-древоточец — становится его послушным рабом, покидает колонию и медленно погибает, пока гриб прорастает через все его тело и голову.

5. *Carcharodon carcharius* — большая белая акула. Крупнейший экземпляр из пойманных достигал

6,5 метра в длину при весе более 3 тонн. Монстр, встречи с которым, благодаря фильму «Челюсти», боится весь мир.

6. *Urechis unicinctus* — морской червь, известный также как «рыба-пенис». Эту тварь привлекает запах мочи. Известны случаи, когда червь забирался буквально внутрь мужского полового органа — оказавшись в теле человека, «рыба-пенис» выпускает шипы и прирастает к тканям, причиняя ужасную боль.

7. *Enteroctopus dofleni* — тихоокеанский осьминог Дофлейна. Достигает 3 метров, весит до 50 кг, источает ядовитую слюну и может убить неосторожного ныряльщика.

8. *Dermatobia hominis* — человеческий овод. Вид оводов, обитающий в Центральной Америке, — единственный опасный для человека овод. После незаметного укуса откладывает под кожу личинки, может проникнуть в глаза или даже в голову.

9. *Chironex fleckeri* — кубомедуза, или морская оса. Обитает в экваториальных и тропических водах. Небольшая, полупрозрачная, ядовитая. По статистике, у берегов Австралии от «укусов» кубомедуз погибает в 2,5 раза больше людей, чем от акул.

10. *Idiacanthus* — идиаканты, или, как их еще называют, «рыбы-драконы». Обитают на глубине порядка 2 км. Самцы идиакантов вообще не питаются, зато самки — опасные хищницы, способные захватывать добычу крупных размеров за счет подвижного черепа и челюстей, подобных челюстям ксеноморфа из фильма «Чужой». Острые, непропорционально длинные зубы-клыки идиакантов еще и светятся в темноте!

11. *Phoneutria* — так называемые «странствующие» пауки, а конкретно — «банановый паук», внесенный

в «Книгу рекордов Гиннеса» как самый ядовитый паук планеты.

12. *Architeuthis dux* — гигантский кальмар, достигающий 17 метров в длину и 280 кг веса. Обитает на глубинах свыше 1000 метров и является, несомненно, прообразом мифических Кракенов, так пугавших древних мореплавателей.

13. *Lepidóptera Primata* — малоизвестный вид плотоядных бабочек, встречающийся в Африке в низовьях реки Нил. Эти удивительные создания охотятся стаями или точнее — роями, причем способны причинить вред даже крупным животным и людям. Роящиеся бабочки принимают очертания фигуры зверя или человека, благодаря чему незаметно приближаются к жертве, после чего облепляют ее тело плотным слоем и высасывают кровь.

По счастью, бабочки-людоеды — последние монстры в этом списке — лишь плод больного воображения одного шибко веселого составителя хоррор-книг (но ведь вы ПОЧТИ поверили в их существование, не так ли?!).

Страницы этой книги населяют чудовища, придуманные писателями. И мы — люди, которые работали над антологией «13 монстров», — тешим себя надеждой, что пресловутая магия слова поможет вам на какое-то время поверить и в этих выдуманных существ.

Олег Кожин
СНЕГУРОЧКА

На первый взгляд Маррь ничем не отличалась от других заброшенных карельских деревушек. Полтора десятка кособоких приземистых домиков, прилипших к обеим сторонам дороги, больше напоминающей временно пересохшее русло бурной реки. Такие места, с легкой руки остряка Лешки Ильина, группа называла «ненаселенными пунктами». Два дня назад они оставили за спиной сразу три таких «пункта». Еще один миновали не далее как вчера. Не было никаких оснований ожидать, что в пятой, наиболее удаленной от цивилизации деревне еще остались люди. Бог — он троицу любит. Про пятерки никто не говорил.

И все же Сергей Иванович Потапов привел группу в Маррь. Потому что упоминание в монографии Гревингга — это вам не фунт изюму! Сложенная вчетверо ксерокопия брошюры лежала в нагрудном кармане потаповской «энцефалитки», возле самого сердца, и стучала там, как пресловутый «пепел Клааса».

— Да поймите вы! Это же тысяча восемьсот пятидесятый год! — вещал он на каждом привале, размахивая перед Аленкой и Лехой мятыми перепачканными листами. — Афанасьев эту легенду только через девятнадцать лет запишет! А у Гревингга — вот! Даром что геолог!

Потапов шлепал распечаткой по колену и с видом победителя поправлял очки. Малочисленная группа

не спорила. Меланхолично пожимала плечами, хмыкала неоднозначно и продолжала заниматься своими делами. Алена Виртонен, большая аккуратистка и умничка, перепаковывала рюкзак, стремясь достигнуть какой-то запредельной эргономичности, а Лешка Ильин неловко пытался ей помогать. Студенты не разделяли восторгов своего руководителя. Подумай, самое раннее упоминание легенды о Снегурочке! Если бы кто-то из них заранее знал, что до зачета — неделя пешего пути... В первую же ночевку Сергей Иванович невольно подслушал, как Лешка, жалуясь Алене на стертую ногу, бросил в сердцах:

— Манал я такие «автоматы»! Ну, Потапыч, зараза лысая!

А сейчас лысину Потапова нещадно пекло июньское солнце, от которого не спасала даже бандана. В Маррь они вошли чуть за полдень, когда светило включилось на полную мощность. На единственной улице не было ни души. Стук и зычные крики, исторгаемые Лехиной глоткой по поводу и без, увязали в плотной пелене тишины, стелющейся от дремучего леса, кругом обступившего деревню. Однако опыт подсказывал Потапову, что Маррь все же живая. Во-первых, в воздухе отчетливо пахло дымом. Не едким костровым, а более мягким, печным. Во-вторых, стекла в большинстве изб хоть и заросли грязью, но стояли. Мертвые дома, как и люди, в первую очередь лишаются своих глаз. Только не птицы их выклевывают, а ветер. Ну и, в-третьих... где-то недалеко жалобно бляела коза.

— Ау! Есть кто живой?!

Леха забарабил кулаком в высокие посеревшие от времени ворота с ржавым кольцом вместо ручки. Заборы здесь ставили из наглухо подогнанных друг к другу досок, почти в два человеческих роста. Не то

что редкозубые оградки, догнивающие свой век в пройденных «ненаселенных пунктах». Пытаясь заглянуть во двор сквозь щель в воротах, Потапов мягко оттеснил Лешку в сторону.

— Эй, хозяйева, есть кто дома? — Сергей Иванович вложил в голос максимум почтения. — Мы этнографическая экспедиция...

Никто не ответил. Потапов прислушался. Показалось, или за забором действительно закрипела приоткрывшаяся дверь? Стянув бандану, он обмахнул прелую лысину и стер капельки пота над верхней губой.

— Сергей Иванович, — Аленка деликатно дернула его за рукав, — местный житель на горизонте.

С противоположного конца деревни, вывернув из-за сарая с провалившейся крышей, плелась одинокая фигура — рыхлая женщина с нечесаными патлами, скрывающими широкое лицо. Покрытые синяками и ссадинами полные руки безвольно повисли вдоль тела. Окутанные облачками пыли босые ноги шлепали по засохшей земле. В такт мелким семенящим шагам подпрыгивали обвислые груди, прикрытые одной лишь грязной ночной рубашкой. Другой одежды на женщине не было.

— Ого! С утра выпил — день свободен! — гоготнул Лешка. — Интересно, чем это мадам так упоролись? Тормозухой, что ли?

Сергей Иванович сделал пару шагов навстречу и, точно мантру, повторил:

— Мы этнографическая экспедиция! Доброго дня вам!

Никакой реакции. Взгляд женщины, направленный сквозь троицу этнографов, уходил куда-то вдаль, теряясь в густом лесу. Грязные ноги, живущие отдельной от тела жизнью, выворачивались под самыми

необычными углами, отчего казалось, что движется женщина благодаря одной лишь инерции. Сбросив рюкзак на землю, Лешка пошел ей навстречу.

— Леш, да не трогай ты ее! На фиг, на фиг...— в голосе Алены послышалась брезгливость.— Больная какая-то...

— Да погоди, ей, по ходу, плохо совсем,— отмахнулся Ильин.— Эй! Эй, тетя!

Ни тогда, ни потом, Потапов так и не почувствовал опасности. Вплоть до момента, когда исправить что-то стало уже невозможно. Опасность? Это ясным-то днем?!

Вблизи толстуха в ночнушке оказалась весьма рослой. Головы на полторы выше Лешкиных ста восьмидесяти. Поравнявшись с парнем, она подняла руки, словно предлагая обняться. Неугомонный Ильин, вполголоса выдав какую-то пошлую шутку, попытался отстраниться. Суетливо, нервно. Видно, сумел разглядеть что-то за шторкой грязно-белых волос. Нечто такое, во что и сам не сразу поверил. А потом уже попросту не осталось времени. Совсем. Пухлые ладони одним невероятно быстрым и выверенным движением свернули Лешке шею.

Треск сломанных костей показался Потапову таким громким, что заложило уши. Эхо страшного звука металось над притихшей деревней, рикошета от мрачных елей, как пинбольный шарик. Где-то совсем рядом заорал какой-то мужик. Потапов не сразу осознал, что этот перепуганный рев вылетает из его глотки, а сам он уже мчится к упавшему в пыль Лешке. В спину хлестнул тонкий визг Алены, наконец сообразившей, что произошло. На полном ходу Потапов налетел на толстуху, угодив костлявым плечом аккурат между обвислых грудей, и, не удержавшись на ногах, повалился сверху на рыхлое, студенистое

тело. От удара Сергей Иванович прикусил язык, очки слетели с носа и утонули в высохшей колее. Женщина под ним извернулась, неожиданно мягко и плавно вильнув бедрами, словно подталкивая к соитию. Несмотря на весь ужас ситуации, Потапов отстраненно почувствовал, как обгоревшие на солнце щеки заливают краска смущения. Отталкиваясь руками, он попытался подняться...

...и глупо застыл, в миссионерской позе нависнув над сбитой женщиной. Их лица разделяло меньше полуметра. На таком расстоянии Потапов прекрасно видел даже без очков. Но поверить увиденному не мог. Под ним лежал не человек. Грубое лицо существа покрывали короткие, напоминающие щетину прозрачные волоски, под которыми легко просматривалась ноздреватая пористая кожа. Грязно-белые патлы смело на затылок, обнажив вывернутые ноздри, острые звериные уши и бессмысленный мутный глаз цвета затянутого ряской болота. Один. Прямо посреди лба. Жуткую морду на две неравные части разделяла тонкая щель безгубого рта. Она медленно распахивалась, обрастая неровными треугольными зубами, широкими и крепкими. А Потапов, как загипнотизированный, смотрел и не верил глазам.

Больно вдавив кадык, горло Потапова перехватили толстые пальцы. Лишившись воздуха, он наконец затрепыхался, тщетно пытаясь отодрать обманчиво слабые руки. Под рыхлыми телесами скрывались стальные мышцы. Перед глазами учителя заплясали фиолетовые круги. Непрекращающиеся крики теперь долетали до него, будто через толстое ватное одеяло. В ушах звенело. Лишенное кислорода тело зашлось мелкой дрожью. Пытаясь вырваться, он бестолково молотил кулаками бледную тварь и что-то хрипел. В какой-то момент Потапову послы-

шалось, как в дрожащий Аленкин визг вплетается встревоженный старческий голос — предсмертный кульбит паникующего мозга. А через секунду грубые тиски на горле разжались, дав дорогу потоку восхитительного свежего воздуха. Голова взорвалась разноцветной вспышкой, горло разодрал жгучий кашель, и Потапов завалился на бок, больно приложившись головой о твердую землю. Он понимал, что сейчас, в непосредственной близости от смертельной опасности, не самое подходящее время, чтобы терять сознание. Но когда невидимые руки подхватили его с двух сторон и потащили прочь, Сергей Иванович все же благодарно нырнул в черную бездну беспомощности.

Сквозь щели забранных ставнями окон на грязный пол падал свет. День вошел в полную силу; полутемную избушку со всех сторон пронзали солнечные спицы. Пролетающие сквозь них пылинки вспыхивали волшебными искрами. Во дворе залиристо чирикали дерущиеся воробьи. Где-то на краю деревни хрипело радио «Маяк»...

За высоким забором молчаливо топталась бледная погань.

Покачав кудлатой седой головой, дед Хилой отодвинулся от окна. Видимо, не доверяя ставням, для верности задернул его занавеской. В доме страшно воняло падалью, однако ни у кого даже мысли не возникло попросить распахнуть окна. Эпицентр смрада, похоже, находился где-то в кухне, но заходить туда не хотелось совершенно.

— Мужика хочет,— косясь на Потапова, сказал хозяин.— У ней щас самая пора етись.

Их спаситель оказался крепким высоким стариком, удивительно подвижным для своих лет и габаритов. Повадки и действия его напоминали матерого первопроходца, чей форт осаждают кровожадные индейцы.

— Что ж она Лешку тогда...— закончить Потапов не сумел. Всхлипнул по-бабьи и откинул голову назад, крепко приложившись затылком о бревенчатую стену. Боль отрезвляла, не давала забыть, что происходящее с ними реально.

— А того, что поперву — еда! А опосля уж все остальное,— дед Хилой назидательно покачал узловатым перстом.— И что вам дома не сидится, туристы, в бога душу...

— Сказки собирать приехали,— ядовито ответила Аленка.

Она поразительно быстро пришла в себя. Едва ускользнувший от смерти Потапов, забившись в угол, тряся осиновым листом, а девчонка, всего час назад визжавшая так, что лопались стекла, воинственно расхаживала по комнате, примеряя к руке то изогнутую кочергу, то увесистое полено, сдернутое со сложенного возле печки дровяника. Не удовлетворившись, вынимала из кармана складной нож и принималась проверять, легко ли выходит лезвие. Она жаждала действия. Дед Хилой со своего табурета наблюдал за Аленкиными манипуляциями, посмеиваясь в бороду.

— Ты, девонька, шилом своим ее разозлишь только. От стали в таких делах од...

— Что она такое?! — перебила Алена.— Леший? Йети? Кикимора какая-нибудь?

Этот вопрос она задавала каждые пять минут. Дед Хилой отмалчивался. Вот и сейчас, недовольно зыркнув на непочтительную соплюху, он просто закончил начатую фразу.

— ...одна польза — горло себе перерезать, чтобы живьем не взяла.

Виртонен резко обернулась к Потапову.

— Бежать надо,— выпалила она.— Вернемся с помощью и раскатаем эту мразь...

Сергей Иванович испуганно икнул. Сама мысль о том, чтобы выйти наружу, снова ощутить сверлящий взгляд одинокого глаза... почувствовать себя *мясом*... Спина его неосознанно вжалась в ошкуренные бревна. Глядя на суетящуюся девчонку, дед Хилой недоверчиво выгнул брови, в который раз уже покачал нечесаной башкой и скрылся в кухне.

— Рванем со всех ног! Она же плетется, как дохлая кобыла! — присев возле учителя, Виртонен схватила его за плечи.— Она нас хрен догонит! Давай, Потапыч, миленький! Рюкзаки бросим и рванем...

В запале Алена даже не заметила, что назвала преподавателя по прозвищу. Глаза ее лихорадочно горели, изломанные в походе ногти царапали кожу Потапова даже сквозь куртку. Напрягшиеся мышцы поджарого девичьего тела излучали нерастратченную энергию. Для себя Виртонен уже все давно решила. Сергей Иванович опустил голову, пряча взгляд среди разошедшихся досок давно неметеного пола.

— Тряпка! — брезгливо выплюнула Алена.

Больше она не произнесла ни слова. Деловито распотрошила рюкзак, откладывая в сторону самое необходимое. Распихала по карманам пакетики с орехами и изюмом, полулитровую бутылку кипяченой воды, складной нож и спички. Длинный «полицейский» фонарик оставила в руке, накинув петлю на запястье. Решительно отбросила засов и шагнула на улицу, так ни разу и не взглянув на сжавшегося в углу Сергея Ивановича.

На шум открывшейся двери из кухни выглянул дед Хилой. Безучастно оглядел комнату: Потапова, разоренный рюкзак, распахнутую дверь. Потом кивнул и сказал:

— Не пошел? Правильно сделал.

— У меня мениск поврежден,— поспешил оправдаться Сергей Иванович.— А у Алены разряд по легкой атлетике! Я темпа не выдержу, а так...

— Сдохнет,— равнодушно перебил дед Хилой.— Хоть так, хоть этак.

Шурша заскорюзлыми шерстяными носками по полу, он прошаркал к двери, но не закрыл ее, а остался стоять в проеме, «kozyрьком» приложив руку ко лбу.

— Позапрошлой зимой Лиша шестерых мужиков положила. С ружьями и собаками. Трех уже в лесу догнала, и снегоходы не помогли. Эт она только на солнышке квелая, а ночью скачет — что твоя коза! А уж зимой...

Потрясенный Потапов встал и опасливо подошел к своему спасителю. С высокого порога крохотная Маррь отлично просматривалась в обе стороны. Сергей Иванович как раз успел заметить, как скрылась между елок ярко-красная курточка Алены Виртонен. Следом за ней с огромным отставанием плелось существо, голыми руками убившее Лешку Ильина.

— Как...— Потапов нервно сглотнул,— как вы ее назвали?

Дед Хилой смерил учителя хмурым взглядом из-под разросшихся седых бровей.

— Сказки, говоришь, собираешь? — невпопад ответил он.— А слышал такую: жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Уж сколько они Христу ни молились — все без толку! А как пошли они в лес дремучий, старым богам поклонились, вылепили себе дитятю из снега, так и ожила она. Подошла к

ним да молвит: тятенька, маменька, я теперича дочка ваша, оберегать вас стану. Только горячим меня не кормите — расту! Обрадовались дед с бабкой да назвали девчонку...

— Снегурочкой...— шепотом закончил Потапов.

Дед Хилой кивнул. У кромки леса мелькнула в последний раз и исчезла грушевидная фигура женщины в грязной ночнушке.

— Далеко не убежит,— старик отнял руку от морщинистого лба.— К утру назад воротится. Пойду-ка к Тойвовне схожу, мукой одолжусь, раз такая оказия.

Кряхтя от усердия, дед Хилой натянул резиновые калоши и ушел. К соседке. За мукой. Как будто мир по-прежнему оставался нормальным.

Дед Хилой вернулся с берестяным лукошком, в котором, помимо муки, оказалась пыльная литровая банка и мешочек с неведомым содержимым. Привычно заложив засовом толстую дверь, старик скинул калоши и отправился на кухню. Потапов набрал побольше воздуха в легкие и отправился туда же, с головой нырнув в смердящий воздух. Источник тухлого запаха обнаружился сразу: жестяной таз, стоящий в самом углу, за печкой. А точнее, его содержимое — пяток ворон со свернутыми шеями. По черным перьям лениво ползали жирные личинки, при виде которых желудок Потапова подпрыгнул к горлу. Глядя на побледневшего учителя, дед Хилой прикрыл таз пыльным мешком.

— Ты морду-то не криви, сказочник! Эта падаль тебя от смерти спасла... а может, и от чего похуже.

Осторожно высунув нос из-под ладони, Потапов наконец решился вдохнуть. Не сказать, чтобы воздух очистился, но делать было нечего.